

торый можно распространить на все социалистические страны: «Как можно видеть, картина стала более гомогенной во всех аспектах, и это обусловлено тем, что одна и та же база служит основой как образа жизни, так и культурного поведения». Отмечается, что отношение людей к культуре может складываться «в более богатом, или напротив, обедненном виде, в лучшем или худшем качестве, но направление развития остается более или менее линейным» (с. 182).

Заканчивая этот неизбежно краткий обзор содержания книги, отметим, что кроме реального поведения, описываемого с помощью показателей интенсивности той или иной культурной активности, а иногда и содержательных характеристик, фиксировались также и ценностные ориентации респондентов по отношению к некоторым жизненно важным проблемам, рассматривалось влияние различных внутрисемейных способов передачи культуры (совместное посещение членами семьи культурных учреждений, внутрисемейные контакты и т. п.) на культурное развитие детей.

Представление о рецензируемой книге будет искаженным, если не отметить, что в ней отражена лишь незначительная часть полученного в результате исследования материала. Опубликованная книга — лишь первый, но далеко не последний итог международного исследования «Культура». Венский центр и участники работы располагают записанными на магнитную ленту данными эмпирических исследований каждой страны — участницы проекта, что дает возможность и для сравнительного анализа⁶. Перспективы подобного продолжения проекта обсуждались на одной из последних встреч участников исследования. Поэтому в будущем вслед за работой, объединяющей серию национальных исследований (настоящий том), можно ожидать появления книги, содержащей серию тематических исследований на основе внутрикультурных данных (сравнительный анализ молодежной субкультуры, образа жизни городской и сельской семьи и т. п.). Возможны и иные способы обработки данных, допускающие сопоставление ответов мужей, жен и детей и тем самым позволяющие извлекать новую информацию и решать новые проблемы. Наконец, вышедшая книга позволит всем заинтересованным странам присоединиться к исследованию, поскольку в ней исчерпывающе полно изложено все необходимое для проведения эмпирического исследования.

Можно с уверенностью сказать, что работа над проектом «Культура» и рецензируемый труд обогатили методологический, теоретический, эмпирический багаж каждого участника исследования. Кроме интересного сравнительного материала обоснованы некоторые существенные выводы о процессе эмансипации женщин, культурной активности членов семьи, соотношении ролей мужа и жены, взаимосвязи и взаимодействии культуры родителей и детей, роли семьи в условиях трансмиссии культуры в эпоху НТР. Таким образом, по существу вскрываются некоторые общие для НТР процессы, по-разному, однако, проявляющиеся на фоне многообразных экологических, исторических и социальных условий разных стран, в разных сферах жизнедеятельности: труде, культуре и быте. Несмотря на происшедшие в эпоху НТР изменения, исследование выявило устойчивость основных функций семьи во всех странах, ее приспособление к условиям НТР. В настоящее время отмечается не только сохранение, но также возрождение родительских функций, создающих важные предпосылки устойчивости семьи. Эти явления, характерные для городского и сельского населения, все же по-разному выражены в поселениях разного типа. Неодинаково они проявляются и в странах, различающихся степенью урбанизации и системой социальных отношений. Исследование показывает, что при форсированном развитии современной культуры появляется разрыв в образовательном уровне родителей и детей, но это не приводит к ослаблению влияния родителей. В современных образованных семьях вновь заметно активизируются социальные и культурные контакты родителей и детей, заметнее проявляются культурные интересы и вкусы.

Вместе с тем в период урбанизации и активизации внесемейных ролей у женщин и мужчин возрастает потребность в близости, все более редкой и потому психологически значимой. В результате семья, выполняя свою социально-культурную миссию, выдерживает испытание научно-технической революцией и продолжает жить, правда, новой жизнью.

В заключение хотелось бы отметить, что трудности работы над проектом «Культура» могли стать непреодолимыми, а появление книги — невозможным, если бы не исключительно доброжелательная атмосфера в авторском коллективе, члены которого постоянно стремились к взаимопониманию и прилагали огромные усилия для его достижения, что проявилось в высоких научных качествах этой интересной и очень актуальной книги.

И. А. Гришаев

⁶ При организации этого банка данных было оговорено, что их использование возможно только с ведома и согласия участников исследования, которыми эти данные получены.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1983. 432 с.

Рецензируемая книга представляет собой первый том подготавливаемого сектором истории первобытного общества Института этнографии АН СССР трехтомника, который должен стать логическим завершением многолетней работы над историей первобытно-

общинного строя, направленной как на решение методических проблем исследования первобытности, так и на обобщение конкретного материала и решение основных вопросов развития первобытной эпохи. Практически это первое в советской и зарубежной историографии фундаментальное и всестороннее исследование первобытнообщинной формации: более ранние опыты были относительно краткими и ориентированными в основном на учебные программы.

Актуальность итоговой работы по истории первобытнообщинного строя очевидна¹. Для исследования процесса прогрессивного развития общества марксистское учение об общественно-экономических формациях оказывается единственно продуктивным. Именно понятие первобытнообщинной формации в отличие от «размытых», иногда даже противопоставляемых друг другу понятий вроде «доисторических» или «примитивных» обществ позволяет объединить и исследовать на основе единой методологии древнейшие (археологические и антропологические) источники по дописьменному периоду — собственно первобытной эпохе и этнографические данные об остаточных явлениях первобытнообщинного строя в позднейшие эпохи (синолитейные общества, согласно предлагаемой в книге терминологии).

Во введении, посвященном преимущественно проблемам периодизации первобытнообщинного строя, очевидными становятся главные трудности исследования этой эпохи. В основу периодизации положено развитие основной социально-экономической ячейки первобытного общества — общины: праобщина соответствует эпохе первобытного человеческого стада, первобытная родовая община — эпохе расцвета первобытнообщинного строя, первобытная соседская (протокрестьянская) — эпохе его разложения (с. 18—25). Такая периодизация определяет и границы подготавливаемых томов. Сложнее обстоит с границами самих периодов, ибо в первобытную эпоху в истории человечества происходят великие сдвиги в области антропосоциогенеза, которому и посвящен первый том; тогда же возникают классы и зарождается государство. В самом термине «человеческое стадо» заложен парадокс: чего в нем больше, человеческого или животного? Введенное авторами понятие праобщины соответствует общей тенденции преобладания человеческого в эпоху становления общества. Одно из достоинств книги состоит в том, что авторы не прибегают к ученой риторике, чтобы создать видимость окончательной логической схемы; напротив, констатируются расхождения в их взглядах, что способствует дальнейшему развитию исследований в этой области.

Сложность изучения первобытной истории заключается также в том, что ее события являются по преимуществу предметом реконструкции, прежде всего в древнейший период. Поэтому особое значение приобретает методика реконструкции и согласования данных различных дисциплин. Этим проблемам посвящена первая глава книги — «Источниковедение первобытной истории», где впервые с такой последовательностью ставится проблема классификации источников. Главную методическую задачу реконструкции авторы справедливо видят в междисциплинарном первобытноисторическом синтезе, сочетании на основании сравнительно-исторического метода данных этнографии, археологии, лингвистики, антропологии, естественно-научных дисциплин.

Для задач такой реконструкции, как показывает А. И. Першиц, наиболее ценными являются традиционные этнографические источники, позволяющие отработать методику, выделить значимые признаки и их закономерные связи, строить модели общества.

В принципе эта методика может быть распространена на все источники, используемые гуманитарными науками, и построенные на ее основе модели могут стать объектами («типологическими блоками») для сравнительного анализа. Справедливо подчеркивается, что наиболее надежна пока реконструкция на самом общем уровне — «увязка между собой таких признаков, как тип хозяйства, форма общины и семьи и вид родства» (с. 49). Дальнейшие шаги, видимо, могут быть связаны не только с кросскультурными исследованиями, но и с конкретными (локальными) реконструкциями на уровне хозяйственно-культурных типов, отдельных обществ, а возможно, и отдельных коллективов (например, население поселка), что позволит интенсивнее подключить синтаксические данные археологии и других дисциплин (ср. с. 50, 83 и последовательность процедур междисциплинарного синтеза на с. 85). При этом построение статических моделей, например, хозяйственно-культурных типов, может дополняться динамическими моделями², построенными на основании изучения конкретных обществ (такое соотношение, видимо, характерно и для места АПО и СПО в реконструкциях общей картины первобытности).

Другая частная, но сложная проблема реконструкции относится к данным всех гуманитарных дисциплин. А. И. Першиц и В. А. Шнирельман признают, что наиболее адекватно реконструируются социально-экономические отношения как относительно жестко детерминированные в отличие от социально-идеологических (т. е. явления базисные, а не надстроечные). В то же время целые категории источников, прежде всего данные устной традиции, сведения информаторов (самоописания), сами принадлежат к явлениям надстроечным и могут неадекватно отражать базис (ср. с. 43). Более того, именно надстроечные явления, например обряды-пережитки, а в археологии — культовые, прежде всего погребальные комплексы в наибольшей степени представляют целостные объекты для реконструкции (в отличие от остатков поселений). В этом отношении реконструкция идеологии может оказаться более реальной, а чрезмерно прямолинейная характеристика базисных явлений на основании указанных источников рискует

¹ Показательно, что одновременно с рецензируемой книгой вышла также «История первобытного общества» в ГДР (Geschichte der Urgesellschaft. В., 1983).

² См. Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973, с. 58.

привести к искажению реальной картины: так мифы о женщинах как о первоначальных хранительницах сакральных мифов и церемоний, впоследствии узурпированных мужчинами, ошибочно воспринимались как свидетельство смены матриархата патриархатом и т. п.

Наиболее сложной и общей для всех гуманитарных наук проблемой является вопрос о соотношении сравнительно-исторического и структурно-типологического методов, так как реконструкция требует создания синхронно действующей модели, история же — изучения развития. Налицо, таким образом, определенная методическая проблема. Поэтому следующая глава — «Историография первобытной истории» — представляет не только историографический интерес. Изучение различных направлений в этнографическом исследовании представляется весьма актуальным.

В основу историографического очерка положены тенденции, намеченные в подробно охарактеризованных трудах Л. Г. Моргана и вскрытые основоположниками марксизма, показавшими путь развития общества от бесклассового к классовому (раздел о трудах классиков марксизма написан Н. Б. Тер-Акопяном). Л. Е. Куббель справедливо критикует попытки крайних диффузионистов подменить идею закономерного развития (эволюции) культуры «механическим» ее распространением (миграциями, заимствованиями)³. Автор указывает, что в построениях функционалистов и структуралистов преобладает тенденция исследовать прежде всего синхронную взаимосвязь социальных институтов и явлений культуры (с. 156—158). Справедливо отмечая неправомерность эволюционистских представлений о «пережитках», а также миграционистских — о диффузии элементов культуры, рассматриваемых вне функционального контекста культуры, функционалисты вместе с тем абсолютизировали статичность традиционных обществ (с. 157), но она скорее была присуща самому методу. При всей продуктивности методов синхронного исследования социокультурного механизма игнорирование общих тенденций развития традиционных обществ, постулирование самодостаточности для этих обществ традиции вступают в противоречие с реальностью современной эпохи: неспособность архаической традиции гармонизировать социально-экономические отношения внутри отсталых обществ очевидна, проявлением этого, в частности, стали многочисленные милленаристские движения.

И тем не менее изучение синхронного социокультурного механизма, как уже говорилось, необходимо для реконструкции первобытной истории преимущественно на уровне динамических моделей конкретных обществ (см., например, оценку политической антропологии на с. 157). В книге отмечается необходимость сочетания «синхронного» и «диахронного» методов. Стремление к этому сочетанию очевидно у Л. Уайта и других неэволюционистов, использовавших функциональный метод для исследования синхронных уровней культуры и сравнительный — для изучения диахронной связи этих уровней (с. 160; ср. также работы А. Леруа-Гурана и различие им «тенденций» и «фактов»). То же стремление заставило многих ученых обратиться к марксизму (с. 161—163).

А. И. Першиц указывает на существование сходных процессов в отечественной науке до становления марксистской этнографии в начале 1930-х годов. Из старых исследователей заслуживает упоминания А. Н. Веселовский, развивший теорию «первобытного синкретизма» — изначальной слитности танца, музыки, обряда, словесного творчества⁴; она важна для реконструкции как самых ранних фаз первобытной культуры, так и дальнейших фаз ее развития и дифференциации.

В новейшее время помимо перечисленных конкретных достижений советской науки в области антропогенеза, соотношения материнского и отцовского рода (с. 170—172) и т. п. особое значение в области реконструкции первобытной истории имеет концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей (с. 171). Эта концепция важна для решения вопросов о взаимодействии этнографии и археологии, дифференцированной оценки достаточно расплывчатого понятия «археологическая культура», выделения историко-культурных областей.

В целом в книге отмечается сближение различных дисциплин, необходимое для первобытноисторического синтеза; историографический опыт показывает необходимость учета и применения разных методик при единстве методологии и желательность выработки относительно универсальной методики описания и систематизации объектов разных дисциплин. Не выявленными до конца возможностями в этом отношении обладает интенсивно развивающаяся общая теория знаковых систем — семиотика. Она привлекательна тем, что большая часть разнообразных источников по первобытности, не только языковых, но и вещественных, может быть представлена как совокупность знаковых систем, которые в общей культурной систематике общества должны обладать относительно единым планом содержания и могут быть подвергнуты дешифровке. Такие опыты, в том числе в отечественной историографии, представляются весьма перспективными⁵.

Последующие главы, посвященные собственно проблемам антропосоциогенеза, являются достаточно полным на современном этапе обобщением известных материалов. В третьей главе «Возникновение и эволюция гоминид» В. П. Алексеев отчетливо пока-

³ На мой взгляд, одностороннюю оценку получили идеи Л. Леви-Брюля о «дологическом» первобытном мышлении (с. 155): именно им впервые были серьезно поставлены проблемы историзма мышления.

⁴ *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940.

⁵ См.: *Ранние формы искусства.* М.: Искусство, 1973; *Алексеев В. П.* К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства. — В кн.: *Первобытное искусство.* Новосибирск: Наука, 1976.

зывает диалектику взаимодействия факторов антропогенеза, как внешних — экологических (с учетом возможного влияния радиации и т. п.), так и внутриколлективных, среди которых особо выделяются «творческий фактор» трудовой деятельности и необходимость коммуникации (с. 202, 219—221). Поэтому выделяемые стадии австралопитеков, питекантропов и неандертальцев и приводимая автором систематика семейства гомирид (с. 218—219) оказываются не статическими схемами, а вписываются в сложную и во многом противоречивую картину становления человека.

Главы четвертая и пятая — «Предпосылки становления человеческого общества» и «Становление человеческого общества», написанные Ю. И. Семеновым (гл. пятая — при участии Б. А. Фролова), представляют серьезный опыт первобытноисторического синтеза, учитывающего данные биологии, антропологии, археологии и этнографии. Ю. И. Семенов приходит к выводу о необходимости философского (онтологического) осмысления соотношения биологического и социального факторов социогенеза, становления общественного производства и сознания: лежащие в основе социогенеза социально-экономические отношения исследователь считает «особым, своеобразным видом материи» (с. 231), а социогенез — сущностью антропогенеза (с. 235). Проблема первичности (в том числе хронологической) производства как основы возникновения общественного сознания достаточно убедительно решается на современном материале: к производству орудий достигаются, морфологически относящимися к австралопитекам, применимо положение Маркса о «первых животноеобразных инстинктивных формах труда» (с. 241). Общественное сознание зарождается на стадии питекантропов (чему соответствуют и данные антропологии — с. 220, 236). С возникновением производства и зачатков разделения труда индивиды, обладавшие большими способностями в изготовлении орудий, должны были получить доступ к пище наравне с добытчиками-охотниками (с. 302). Отсюда — возникновение коммуналистического распределения, преодоление биологической системы доминирования и рангов в праобществе, становление праморали, табу, регламентирующих основные нормы поведения, и т. д. Логическое построение такой схемы антропогенеза, конечно, не снимает многих проблем, а, напротив, позволяет поставить их более отчетливо. В частности, необходимо дальнейшее исследование стадных биологических предпосылок обуздания животных инстинктов: как известно, конфликтные ситуации редки и в стадах обезьян при наличии доминирования и т. п.

В процессе поэтапного исследования общества иногда становится неясной общая система его функционирования: как понимать первичность агамии, согласно Ю. И. Семенову, предшествовавшей экзогамии (с. 246), каковы были отношения между праобщинами, почему прамораль могла касаться лишь распределения мяса (с. 312, 359), не затрагивая брачных отношений?

Необходимость логического расчленения материала в целях исследования, особенно в применении к сложнейшей проблеме происхождения идеологии, иногда затемняет логическую взаимосвязь явлений. «Рациональное» знание, в том числе ориентация в пространстве и способность моделировать его в конструкции жилищ, например, относится и к ориентации погребений, и к таким символам, как крест (с. 405). «Астрономические, биологические и географические представления», зарождение которых предполагается в эпоху мустье, являются условным расчленением, зато формирование представлений о мире как о едином целом (ср. с. 405), очевидно, диктуется как системностью человеческого мышления, так и системностью самого мира, который оно отражает. Естественно, уровень системности первобытного видения мира был в абсолютном смысле примитивным, но вместе с тем, судя, например, по степени развития мустьерской культуры, оказывался и достаточно сложно организован. Поэтому едва ли оправдана постановка в один ряд символического и паразитического образа действия (с. 393), так как систематическое познание мира на протяжении всей первобытной (и не только первобытной) эпохи включало создание символов тех объектов, суть которых на определенном уровне развития нельзя было познать до конца.

Эти замечания касаются в основном будущих исследований, в том числе ближайших: видимо, часть проблем получит полное освещение в последующих томах. Вместе с тем возможны некоторые общие соображения, касающиеся места антропосоциогенеза в ходе развития человеческой культуры в целом.

Материалы книги наводят на мысль, что процесс антропосоциогенеза шел по некоему «среднему пути». Как показали авторы, в антропогенезе тупиковыми оказывались те формы, для которых характерно было переразвитие физической силы или специализация морфологического облика (с. 191—193, ср. с. 251, 377). Прогрессивными факторами в становлении человека считаются обитание его предков на границе тропического леса и саванны, необходимость лавирования в разных ландшафтных условиях (с. 196—199, 253), сочетание в рационе растительной и мясной пищи (с. 198—199, 255), а также то, что хабилы, будучи австралопитеками, занимались производством орудий. Иными словами, предки человека современного вида были поставлены в такие условия, в которых их деятельность, в том числе орудийная, должна была иметь достаточно динамический характер, требовала большой согласованности усилий, коммуникабельности, умения выбирать оптимальный вариант. Видимо, этот «средний путь» был магистральным для первобытной культуры, во всяком случае для мифа и ритуала (см. исследование К. Леви-Стросса, М. Глакмэна, В. Тернера и др.). Один из таких ритуалов — погребальный — был известен уже неандертальцам (с. 383—388). Он, как показал на широком материале С. А. Токарев⁶ преследовал двойную задачу: удалить умершего из коллектива и одновременно сохранить связь с сородичем. Эта задача у неандертальцев достигалась «средним путем» — погребением на стоянке. Кстати, этот способ погребения

⁶ Токарев А. С. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964, с. 170—171.

сохранился в верхнем палеолите и значительно позднее, что увеличивает число «досапиентных» традиций в сложившемся обществе (ср. с. 377). То же можно сказать о тотемизме и магии (с. 388—391) — способах ритуальной регуляции отношений с другими коллективами и внешним миром, в том числе сверхъестественными, и первоначальной классификации его феноменов.

В целом авторы выполнили фундаментальную исследовательскую задачу, систематизировав огромный и разносторонний материал. Представляется, что первый том истории первобытного общества стал прочным базисом для дальнейших исследований в этом направлении.

В. Я. Петрухин

НАРОДЫ СССР

Л. С. Ефремова. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1982. 270 с.

Проблемы семьи и брака постоянно привлекают внимание ученых различных специальностей, в том числе историков и этнографов. И это вполне закономерно. Семья играет огромную роль в развитии общества. Как социальный институт она вплетена в систему общественных отношений и выполняет ряд функций по отношению к обществу, наиболее важными из которых являются воспроизводство населения и воспитание молодого поколения.

Бытование определенных форм семьи и семейных отношений в конкретный исторический период, как правило, обусловлено социально-экономическими основами общества и той ролью, которую выполняет семья в общественной жизни. В то же время известно, что семейные отношения изменяются значительно медленнее, чем экономические, и в семейной жизни в течение длительного времени сохраняются черты, характерные для предыдущих исторических эпох. В семейной жизни отразилось и многообразие конкретных черт исторического развития отдельных народов. Исследования современной семьи у народов СССР, особенно активизировавшиеся в последнее десятилетие, показали, что на многие вопросы, возникающие в настоящее время, невозможно ответить без исторического анализа семьи и семейных отношений. Работа Л. С. Ефремовой представляет огромный интерес для тех, кто занимается проблемами семьи, особенно в Прибалтике и Белоруссии. Это первая работа, специально посвященная развитию латышской семьи.

Автор рассматривает эволюцию латышской крестьянской семьи на протяжении 80 лет — с 1860 по 1939 г., т. е. в период капитализма, начиная с низшей и кончая его высшей стадией — монополистическим капитализмом. Этот период представлял собой переломный этап в жизни крестьянской семьи, «вызванный определяющим влиянием частной собственности, разрушавшей патриархальные традиции и замкнутость семейного быта крестьян» (с. 8).

Акцентируя внимание на конкретном историческом периоде, автор постоянно обращается к материалам более раннего времени, а именно к 40—50-м годам XIX в., когда в Латгале преобладали патриархальные формы семьи, и, таким образом, читателю представляется возможность увидеть объект исследования в широкой ретроспективе.

Расположенная на границе с РСФСР и Белоруссией, Латгале в течение длительного времени была административно оторвана от остальных областей Латвии (входила в состав Витебской губернии). Данное обстоятельство, а также сложный национальный и конфессиональный состав населения сыграли большую роль в формировании некоторых своеобразных черт культуры, быта, семейной жизни латышей Латгале. Приходится сожалеть об отсутствии в монографии сравнительного анализа эволюции латышской крестьянской семьи в Латгале и в других областях Латвии.

Рецензируемая работа написана на богатом архивном и полевом материале. Автор вводит в научный оборот разнообразные источники: первичные формуляры переписей населения 1897, 1930 и 1935 гг., инвентари помещичьих имений, дела волостных судов и правлений, судебных инстанций буржуазной Латвии и др.

В книге освещается достаточно широкий круг проблем, взаимосвязанных друг с другом: форма и структура семьи, внутренний строй и взаимоотношения, имущественные отношения в семье.

Сильная сторона книги в том, что все вопросы, освещаемые автором, рассматриваются в тесной взаимосвязи с социально-экономическими отношениями в деревне.

Центральное место в монографии занимает глава о развитии формы и структуры семьи в период капитализма.

На конкретном архивном и статистическом материале Л. С. Ефремова убедительно доказывает, что неразделенные семьи начали распадаться еще в дореформенный период, и все же «для феодальной деревни с низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве с застойным патриархальным укладом жизни типичными были большесемейные коллективы» (с. 84).

Отмена крепостного права послужила толчком для крестьянских разделов. На протяжении всего исследуемого периода в латгальской деревне существовали две формы крестьянских семей: неразделенные и малые (автор пользуется определениями, наиболее